

М.Л. ЛУРЬЕ

"Страшно, но и ничего, потому что шутки"

(Персонажи ряженья Торопецкого района)

Материал, который мы хотим предложить вниманию читателей, записан в 1987-1989 гг. в Торопецком районе Тверской области (в прошлом — уезд Псковской губернии) группой преподавателей и студентов в ходе фольклорно-этнографических экспедиций РГПУ им. А.И. Герцена¹. Это небольшая подборка рассказов-воспоминаний о святочной игре в покойника и во многом близких последнему других «нездешних» персонажей святочного ряженья². Рассказы представляют локальную традицию и повествуют об обычаях, относящихся к 1920-1950 гг.

Скажем несколько слов о святочном «умруне». Этот персонаж и связанная с ним разновидность игр ряженных, одна из самых популярных и распространенных в русской традиции, более других привлекали внимание исследователей новогодней обрядности. О покойничьих играх писали В.И. Чичеров, В.Я. Пропп, В.Е. Гусев, Н.И. Савушкина, Л.М. Ивлева, Н.В. Поньрко и др., причем подчас высказывались полемические взгляды на происхождение и ритуальное значение этого действия. Так, В.Я. Пропп возводил игру в покойника к ритуалу в честь умирающего и возрождающегося

божества плодородия, отказывая ей в какой-либо связи с культом предков³. В.Е. Гусев, вслед за В.И. Чичеровым, напротив, считал последнюю «основным в святочных покойничьих играх»⁴, произошедших, по его мнению, из обрядов при мертвецах. Самого покойника причисляли как к антропоморфным, так и к «фантастическим» персонажам ряженья.

Отметим: независимо от того, соглашаемся ли мы с В.И. Чичеровым, что святочные обряды восходят к основному годовому ритуально-праздничному циклу дохристианского времени⁵, покойничьи игры представляются центральным элементом святочного ряженья, если воспринимать последнее как единый обрядовый комплекс.

Различные подходы к осмыслению игры в покойника не столько исключают, сколько дополняют друг друга. И что самое, на наш взгляд, интересное: покойничьи игрища дают возможность допустить разные интерпретации. Причем дело здесь не в отличии региональных вариантов (многие ученые пользовались в своих работах одними и теми же материалами), а в особенностях и характере этой игры.

Игра в покойника в своем наиболее развернутом варианте включает внос покойника; отпевание его ряженым «попом»; оплакивание его маскированными плакальщицами или девушками из зрителей; прощание с ним девушкой, подводимых (нередко — насильственно) ряжеными, и целование ими покойника; оживание покойника; обегание им зрителей (иногда — хватание девушек). В таком виде игра как бы дублирует (иначе говоря, концентрирует в себе) элементы формы и семантики целого ряда других игрищ, относящихся, очевидно, к различным функционально-типологическим группам. «Оживание» покойника поцелуями «прощающихся» девушек стоит в одном ряду с «оживлением» «коня» (девушки должны целовать ряженных под пологом, которым те накрыты), с «починкой» (тоже посредством поцелуев) «мельницы», «кузницы» и т.п. Все эти игры содержат, по-видимому, идею оживления через совокупление, эвфемистически обозначаемое поцелуем⁶. Еще очевиднее данный мотив в таких вариантах игры, где, кроме поцелуя, от девушки требуется «поддержаться» за половой член «покойника», а также в тех случаях, когда (как бы в ответ на поцелуй) покойник обрызгивает девушку или колет ее иголкой. Эта разновидность контакта с «покойником» делает игру синонимичной ряду фаллических игр ряженных, в которых тоже разыгрывается сюжет *починки*, приведения в действие какого-либо механизма («починка» «мель-

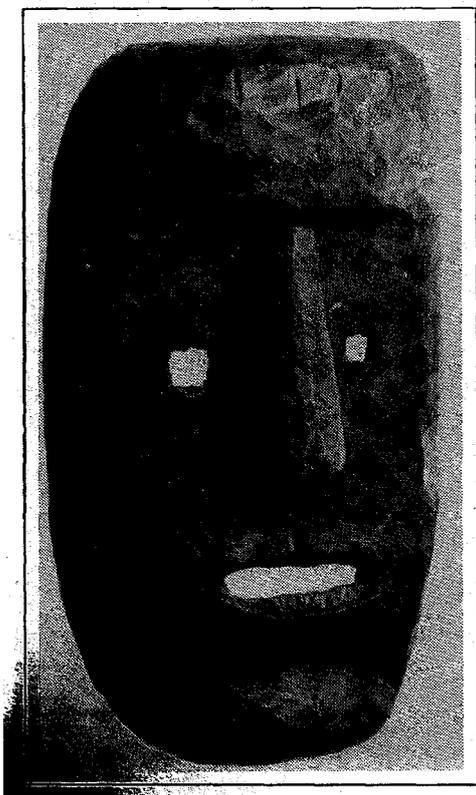
ницы», цежение «кваса» из «квасника», установка упавшего «межевого столба») — иначе говоря, оживления, отождествляемого в этом случае с возобновлением сексуальной активности, возрождением к половой жизни.

Тексты отпеваний и причитаний при покойнике позволяют обозначить те же мотивы на вербальном уровне. Кроме того, эти тексты — в особенности отпеваний — содержат идею поминовения умерших, что делает «покойника» не просто «фантастическим существом», очевидно, лиминальной природы, не абстрактным образом-символом какого-то забытого умирающего и воскресающего божества в едином ряду с Костромой, Масленицей и проч., а именно предком, как бы конкретно умершим, тем более, что в причитаниях и отпеваниях нередко упоминаются определенные люди, называется то или иное имя «покойника», иногда принадлежащее исполнителю, если он известен.

Вскакивающий и бегающий «по народу» покойник однороден персонажам типа «смерти», не имеющим, как правило, столь несомненной антропоморфной природы. Они обычно содержат много общих черт с покойником во внешнем облике, так же ходят «по народу», иногда при этом заставляя девушек обнимать и целовать себя. Характерно, что рассказчики нередко сами путают или сравнивают этих персонажей с «покойником» («Расщепиха равно покойник...», «Смертью страшной наряжались — покойник»). Как и святочный мертвец, они не произносят слов (что манифестируется в варианте «имени» одного такого персонажа — «немой»), нередко их костюм предполагает сексуальные атрибуты (ср. толкушку «покойника» и песты «гоготуна» — оба предмета выступают в фольклоре как фаллический символ).

Это не значит, однако, что между «умруном» и «смертью» со всем сонмом подобных им фигур можно поставить знак полного тождества. Что касается самого состава, сценического протекания игрища, игра в «покойника» наиболее «вместительная» и сюжетно-развернутая. В плане мифологической семантики, учитывая, что оба эти типа игр, очевидно, выражают идею контакта «представителя» потустороннего мира с человеком (это связано и с характером самих персонажей, и с их действиями), мы также не можем говорить о полной их синонимичности. «Покойник» связан как с «тем светом», так и с миром живых, и связь эта постоянно подчеркивается в действиях и репликах участников игры; он — и чело-

Рис. 5. Святочная маска. Село Усть-Цильма Архангельской губ. Начало XX в. (Коллекция РЭМ 5261-85)

век, и нечеловек одновременно, что и реализуется в сюжете его «оживания». «Фантастические» же персонажи лишены человеческого обличья, какой бы то ни было связи с земным, связанное с ними действие никак не затрагивает реалий человеческой жизни. Даже эротический контакт такого персонажа с девушками из «зрителей» носит всегда сугубо условный, символический характер, тогда как в забавах с «мертвецом» заставляют не только целовать в губы, но в некоторых случаях держать за фаллос, целовать в него. Пляска и обегание присутствующих, насканивание на них, битье, «косьба» — основные действия этих фигур ряженья; они суть проявления агрессии демонического мира в чистом виде.

В предлагаемой публикации игра в «покойника» представлена в большом количестве вариантов, с разной полнотой и яркостью демонстрирующих ее сценические компоненты и пласты мифологического содержания. Завершающие подборку описания других «потусторонних» персонажей, известных торопецкой традиции ряженья («смерть», «черт», «расщепиха», «гоготун», «немой», «куколка», «пугало», «посланец») расширяют возможности интерпретации материала.

А покойника, бывало, принесут, вот настоящего (похожего. — М.Л.) покойника принесут, скамейку посередине избы поставят, положат яво. Белым накроют, глаза закрыты. Еще тут (лицо. — М.Л.) напудрят или мукой, или чем там, или пудрой, что там попадет под руку им. Вот. Ну, и ляжет — что ж, мертвый. Ну, и подводят всех девчонок плакать по нему. Еще чтобы и хорошо поплакала, так что-то причитала по нему. (Ряженые говорят девушке. — М.Л.) «А если не будешь, так ведь тебе еще заставим, будешь мучиться до тех пор, пока ты там что-нибудь поговоришь над ним». Вот. Все было.

(Зап. Д. Филиппова и А. Аспель в одной из деревень Пожнинского сельсовета. Данные об исполнителе нет)

Покойником рядились. Да, нарядится, подберёт себе что-нибудь такое, как и поп. И принесут два человека, это, на доске. Ставят два стула, на скамейку ставят. Накрытый, зубы сделаны из картошки большие. (Страшные? — соб.) Страшные. Ну, и подводят целовать девок. (А они сопротивляются? — соб.) Конечно, сопротивляются — стыдно. А он-то с-под простыни хватается ее. Рукой хватается — но страшно ж, правда. (Потом он убежал или его уносили? — соб.) Потом уносили его.

(Зап. М.С. Лурье, М. Муратова, И. Полинская в с. Грядцы от А.П. Семеновой)

Наряжались и покойником. Бывало, покойником наряжали, положить на

скамейку, из картошки зубы сделают белые, чтобы видны были, и вот, подводили молодежь, и чтобы этого покойника целовали, а он ловит рукой. (Когда ловил? — соб.) А когда лежал. (А кого ловил? — соб.) Молодых девушек подводили, а он ловит рукой. (А если девушки не хотели? — соб.) Даже под койку прятались, а тащили.

(Зап. М.С. Лурье, М. Муратова, И. Полинская в д. Костино от Е.Н. Фирсовой)

Покойником. Скамейку поставят, лягет малец. Накроют простыней белой, чтоб не видать, кто под лавкой (там еще один человек. — М.Л.) <...> Подводят девку — целуй этого покойника. А этот, что из-под лавки — хватать под юбку.

(Зап. И. Петрова, Р. Литищ в д. Костино от Е.Н. Фирсовой. Запись от руки)

Покойником наряжались. Нарядуют в белую одежду мужика, и он нарастяжку лежит вот так на руках (его держат двое других. — М.Л.), накрыт белым. И подводят его целовать. Подымят так полотно — он накрытый. Иная упирается, ее стябают. А еты щас мужики: один к себе, — он (покойник. — М.Л.) шлеп в жопу ргом, другой к себе голову тянет, опять к этой жопы. Нашлепали, заморили этого мужика, рад вырвавши от них. Затягали они его. Качают от одного к другому, потом из стороны в сторону, качают один туда, другой сюда.

А бывало еще покойник на лавку положенный, к нему подводят целоваться. Покойник и все: белым накрыт...

(Зап. Н. Тимошина в д. Малое Кислово от П.Л. Леоновой)

Покойника приносят в корыте, накрывши простыней. А у него забрана спинцовка. Кто простыню откроет, он — раз! — обольет.

(Зап. Д. Филиппова в д. Жуково от А.В. Шатровой)

Покойником (рядились. — М.Л.). Принесут во всем белом, накрытый: «Ой ты мой родной, на кого ж ты меня бросил?» У него иголка во рту, чтоб, когда целует, девушек колоть.

(Зап. Р. Литищ, И. Петрова в д. Высокое от Е.Д. Дмитриевой. Запись от руки)

Покойника делали. Возьмут, положить, зубы с картошки делали, и сюда высоко так зубы торчат из картошки. Ай, страшно, някрасиво. Простыню накрыто, ящѣ толкушка поставлена, шавелится — чтобы «х.. стоял». Вот эта толкушка там шавелится, а яѣ (девушку. — М.Л.) вядут целовать, хоть меня, хоть кого, девку другую какую. На гулянке девок ведь было, господи, сколько! Вядут яѣ целовать: «Ты ж подяржися вот!» А он там шавелится на простыне. И

целовать эту картошку. Возьмут лапоть, лапти ж носили раньше, в лапоть уголек положить, чтоб он там дымился, как кадило. Молитвы читали: «Господи, господи...» (Из кадила. — М.Л.) дымок идет. Только девкам делали, чтоб они за толкушку за эту подержались и чтоб зубы целовали, а зубы ж с картошки, страшные, большие такие.

(Зап. Е. Кардаш, С. Шварцман в д. Покровское от А.В. Филипповой)

Покойник был. А покойником у нас все одна рядилась. Шурочка. Красивая она была. Так муж и не хотел ее отпускать, так мы, помню, её даже у мужа выкупали. Ну, и положить её на скамейку, зубы картофельные сделают, лицо, бывало, мукой обсыплуть. А уж дьячонки да молодухи причитывают по ней, платки черные повязать. «Куда ты улятаешь, моя милая Шурочка?» Поп был, да. Он такой с бородой делается, кадило у яво... ну, как кадило — банка просто, конечно, железная такая на цепочке, а в ней уголёчки. А сам он в желтую блестящую занавеску закутается и ходить, приговаривает: «Господи, помолитесь. Новопреставленную...» Пел по всем правилам. (Это попом старики рядились.)

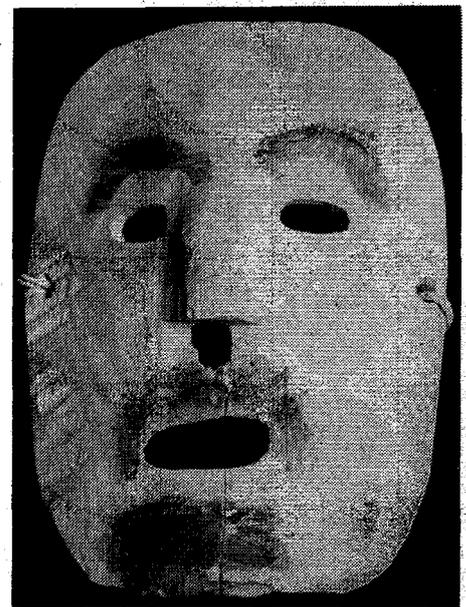
(Зап. Н. Тимошина, С. Кулкова, В. Леонов в г. Торопце от Л. Павловой, родом из д. Чистое)

Покойником (рядились. — М.Л.) Принесут в дом. Голосили: «Такой молоденький, пойдешь ты в сыру землюшку, не будешь ходить на гулянушки...»

(Зап. Р. Литищ, И. Петрова в д. Высокое от А.М. Михайловой. Запись от руки)

Рядились. Покойником. На танцах рядились. Значит, никто не знает, что

Рис. 6. Святочная маска: Село Усть-Цильма Архангельской губ. Начало XX в. (Коллекция РЭМ 5261-84)

щас принесут покойника. Все делается в тайне <...> Его, значит, заносят на лавке, на доске, ну и сразу разбегается молодежь. Его заносят белого, и он такой страшный-страшный <...> (А подводили девочнок? — соб.) Да, парни начинают девочнок ловить и подводить прощаться. (И говорить заставляют? — соб.) И говорить, целовать заставляют. (А что говорить? — соб.) Ну, что ты там говорить можешь? Тут уже говорить — шутки всякие, мол, «ты жил, вот такой-то был... жил-был, шевелил, помер — позабыл» — такое вот выражение. (А кто это говорил? — соб.) Это девушка говорит. Она с ним прощается и так говорит, такую присказку, какая смешней. (А какую еще присказку говорили? — соб.) Начинают даже говорить... если парень девушке изменил, обидел, она начинает высказывать это ему («покойнику». — М.Л.). «Ну вот, я тебя любила, а ты уже уходишь от меня, сложил свои рученьки белые, на кого ж ты меня покидаешь?...» (А целовала когда? — соб.) Тогда, если значит вот, например, хозяин этого всего, если ему понравилось, то он заставляет её, как он считает, что «вот, ты хорошо его жалеешь, переживаешь по нём, то ты должна его поцеловать». Ну и тогда уже как хочешь, а поцеловать надо, потому что они тебя все равно к нему прижмут. Ну вот, это такое с покойником. (И страшно было? —

Рис. 7. Святочная маска. Дер. Гаревое Архангельской губ. Начало XX в. (Коллекция РЭМ 4050-246)

соб.) Страшно это передать. Страшно, но и ничего, потому что шутки.

(Зап. М.С. Лурье, М. Муратова, И. Полинская в д. Воробьи от З.Г. Сармоновой)

Покойником наряжались. Намажут его мукой, оденут во всё белое, простыней накроют, а в рот картошину вставят: и ему не посмеяться, и страшнее делается. До гулянки идет нешком, а в хату его вносят уже на скамейке, и девок подводят голосить:

*Сложил ты свои ручушки,
Закрыв ты свои глазыньки...*

А поп отпевал. Тому, кто попом был, лён к голове привяжут, бороду с льна сделают, халат какой-нибудь оденут и отбнок (старый лапоть. — М.Л.) в руку вместо кадила. А покойник поляжить, да и прыгнуть на народ. Попрыгает и из хаты выскочит.

(Зап. в д. Малые Изори от А.М. Виноградовой)

Покойника несут. Вносили с улицы, народ полбохается. Подводят девок целовать, а они нейдут, хохочут, упираются <...> Подводили прощаться девок. Священник передевался. С бородой. Из мочалы. С чашей вроде кадила — запах неприятный.

*Царство тебе небесное,
Вечный покой,
Сволочь такой...*

Все белое наденут (на покойника. — М.Л.) и колпак белый. И цветы положат.

(Зап. Ю. Тодоров в д. Подгороднее от О.И. Ивановой. Запись от руки)

Покойник ляжить на лавке, сам в белом, в зубах — картошка. Все кричат: «Покойник, покойник, помер во вторник. Стали хоронить, а он из окошка глядит». И разбегаются все. Покойник догоняет.

(Зап. в д. Некрашово от М.Р. Иванови)

Покойник лежит и каток, которым чугуны закрывают, держит. Он смеется, а каток торкается (т.е. дергается. — М.Л.). Приходят две женщины и голосом плачут по покойнику. По покойнику-то плачут у головы, а они у ширинки:

*Дорогие мои подруженьки,
Возьмите меня под рученьки,
Подведите меня к елочке,
Выкопайте живой смолочки,
Залепите тую дырочку,
Куда лазили с дубиночкой.*

Тут покойник захохочет, а девки говорят: «Подружка, погляди, он уже дышит!» — а другая: «Подружка, погляди, он уже пихает!»

(Зап. Д. Филиппова в д. Головки от Л.Н. Ильиной)

Покойник лежит в белом, а поп делается (т.е. вырядится. — М.Л.) как-нибудь. Риза какая цветная, шапку вывернет, не такую, чтоб ушанку, а другую. Потом возьмет ну хоть рукомыник, из глины такие были. Набросает туда уголья, ходишь, кадишь и поешь:

*Сидела на межи, копала коренья.
Раскололася п..., вылилось варенье.
Садилася барыня на коня буланого,
Не боялася езды, боялася тряски,
Расщепилася п... на две плашки.
Приехала к елке,
Накопала смолки,
Приехала домой,
Залила п... смолой.
Удивительно, усмешительно.
Помяни, Бог,
Трех Матрех,
Лисицу-девицу,
Зайца-младенца,
Покойного Тихона,
Которые со свету (вар.: сл...) стиханы.*

Плакальщицы, плача над покойником, поют:

*Жил-был — шевелил,
И помер — не забыл.*

(Зап. М.С. Лурье, М. Муратова, И. Полинская в д. Пятницкое от П.Т. Бодуновой)

Проводили покойника. Человек ложился на скамейку, глаза закрыты, во рту картошка. Накрыт простыней. Девки подводят целовать. Читали над покойником всякую чушь:

*Помер Максим,
И х... с ним.
Жив был — шевелил,
А помер — позабыл.
Помяни, Бог, Зуевскую Марину
И Андрейцевскую Акулину,
Лужницкого, Ежова
И Саику Корняшова,
Помяни, Бог, Мишку Курчана
И Гришку Двожана,
Помяни, Бог, Ваську Сабинского
Курчавого*

*И Егора Шуркавского Чалого.
Помяни, Бог,
Трех Матрех,
Зайца-скакуна
И Гришку Двожана.*

(Поминали и мертвых, и живых. Причем живые на это обижались. — М.Л.)

Поп (поет. — М.Л.):
Поп благочинный
Пропил тулуп овчинный.

Дьячок:
Это разорительно, разорительно,
Владыко, владыко,
Посмотри на лыко,
Тебе достанется
И мне останется.

Подай, Господи!
(Зап. М. Кириллова в д. Суходол от В.Т. Бегунова)

Покойником делались, покойником. Ну, покойник... Нясуть этого покойника, как покойник. Идѣть поп, кадилом махает. Бабы плачут, голосать. Покойник ляжить. Было, покойник был. Он сначала ляжить, а потом как побяжить по народу.

(Зап. Е. Кардаш, С. Шварцман в д. Плотишно от Е.В. Кудрявцевой)

Покойник еще был. Он на лавке ляжить — мужик женатый — так и сам он почти голый, так, прикрыт чем белым. Ну, а к яму девок целовать подводили. А он ляжить, страшный такой, хоть и знаешь, что он не настоящий, конечно, покойник, а только так, для шутки, а все равно страшно. Девок-то подводят к нему целовать, а он как на них кинется, тут такой крик поднимается. А он по кругу бегаёт и всех пугает. Ну, а потом, конечно, переоденется пойдѣть и уже нормальный просто на гулянку приходиться.

(Зап. в г. Торопце от А.И. Ивановой, родом из д. Луки)

Немым делались. Немой лежит на полу. Ноги (ему. — М.Л.) сложат — руки растопырит. Ноги растопырят — руки сложит. Иголку во рту держит. Девка поцеловать хочет, а немой (ей в губы. — М.Л.) иголкой — торк!

(Зап. Е. Шарко, Я. Гуляева в д. Змейкино от А.Л. Лукиной. Запись от руки)

Наряжалась и смерть. Да, картошку в зубы, рубаху белую. Ай, бабы, бывало, рубашку наденут, и идет смерть с серпом. Серп в руке, босиком, ноги белые. В избу входить. Вот и ходить с серпом. Он кснить так страшно!

(Зап. М.Л. Лурье в д. Старое от М.И. Бобровой)

Ну, смерть. Подходит смерть. Тоже в белом. Два сярпа у няво <...> Два сярпа. Подходит и обнимает девок. А они боятся... Два сярпа, представляете <...> Не в белом, ну вроде, простыни, застывнувши, простыни... Да, мушшина, ну, с етым, с сярпами. Ну, видишь, он подходит — девушка-то боится... Он яе сярпами... он яе серпами тихонечко обнимет, обнимает, да... (А лицо белым мазали? — соб.) А ня знаю чем, мукой? Ну, конечно, человека знали. Чем он там-то, сажей (вымазан. — М.Л.). (Зубы, говорят, делали картофельные? — соб.) Зубы картофельные, правильно, делали. Ну, усы, там, или бороду там пристроют. В лицо ня знаешь...

(Зап. О. Николаев, А. Минасян в д. Манушкино от И.А. Алексеева)

Бывало нарядисся (расщепихой. — М.Л.), набелисся чем там, пудрой ли, мукой. Глаза сделаешь большими угольями. Губы сделаешь красные-красные,

да побольше. Зубы сделаешь с картошканы, так в рот вставишь. Халат белый или платье белое. Страшно. И кидаешь на народ, пугаешь. Выскакиваешь босиком или в белых чулках. Заскакиваешь, визжишь на народ.

(Зап. М.С. Лурье, М. Муратова, И. Полинская в д. Пятницкое от П.Т. Бодуновой)

Расцапиха была: волоса распусть, как захочет. Вся в тряпье, побяжала по народу. Все бегаёт, кидается на народ. А волоса у её белые, длинные-длинные — это она лен тряплѣнный в волоса, вот они такие и были.

(Зап. Н. Тимошинина, С. Куликова, В. Леонов в г. Торопце от Л. Павловой, родом из д. Чистое)

Надели белую рубаху женскую (расщепихой рядились. — М.Л.). По народу бросается. Муки набрал в рот и харкает по народу.

(Зап. Е. Шарко, Я. Гуляева в д. Змейкино от А.Л. Лукиной. Запись от руки)

Чертом обряжались. В белом чемнибоду оденутся, как халат или что, и роги такие приделают, и по девкам прыгают. Ну, а девкам надо же бегать. Это черт. Было однажды: кофту на ноги одел, на руки что-то тойкое было: ну черт, и все. А сам вот, понимаешь, раком ползает, на четвереньках, и вот трясетя весь — ну нарощно, ты ж понимаешь, что творят. А мы ж вот так все живот надорвали. В женскую одежду оделся.

(Зап. О. Николаев, Л. Гинзбургская в д. Пчелино от А.А. Алексеева)

Гоготун бывал. Наденет женскую рубаху, в рукавы ноги — это раньше шили старухи, с длинными рукавами, а сверху другую, и тут подпоясется, встанет на колена, яму не пойти — рукавы мяскают. Два пята в руки (возьмет. — М.Л.), зубы вставят сильные такие <...> И вот у яво слины тякуть, ня разжать яму (зубов. — М.Л.), и вот ползает, какая чтоб поцеловала. Ну, не поцеловала, а попригнулась хоть. Так вот и ползает кругом. Если только пригнешься — обязательно пригнешься, все равно не отойдет! — захолопает этими пястами: «Ха-ха-ха-ха».

(Зап. Н. Тимошинина в д. Княжово от А.П. Петровой)

Ну, это что, ну просто человек, мушшина, одяет рубаху женскую ночную, понимаешь? <...> Здесь (лицо. — М.Л.) намазывают вроде крахмалом или чем, как пудрой, белое, и в рот что-то забирает, наподобие картошину сырую. И вот два пята в руках (ну, пясты, знаешь, что крупы толкут). Ну вот, подбьжит к народу, прыгнет, ударит так пестом по этому, по полу. А они боятся.

Вот это Пугало называли, пугало народ.

(Зап. М.Л. Лурье в д. Старое от И.В. Кузнецова)

Мужики куколкам наряжались, и мы бывало: «Пойдемте наряжаться!» Лукно или ряшето на голову, простынь белая, тут повяжемся, сюда шубу завяжем. Попляшем, попляшем и пойдѣм.

(Зап. М.Л. Лурье в д. Старое от М.И. Бобровой)

Посланцѣм рядились. В простыню заворачивались. Крест из палок большой такой. Горб на спине. Из простыни торчит только крест. На кресте сделана голова из шкурок или из тряпок. Говорили: «Посланец — с того света гонец». Этот посланец наклоняется девок целовать. Девки пугаются, убегают.

(Зап. М. Кириллова в с. Мартисово от К.М. Исаевой)

Примечания

¹ См. Лурье М.Л., Тарабукина А. Фольклорно-этнографические экспедиции РГПУ им. А.И. Герцена (СПб.) // Живая Старина. 1994. № 4. С. 63-64.

² Автор выражает искреннюю благодарность О.Р. Николаеву, подсказавшему идею такой публикации.

³ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 70.

⁴ Гусев В.Е. От обряда к народному театру: Эволюция святочных игр в покойника // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 50.

⁵ См.: Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков (Очерки по истории народных верований). М., 1957.

⁶ Об эротическом содержании покойничих игр см.: Ивлева Л.М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994. С. 128.

Рис. 8. Святочная маска. Село Усть-Цильма Архангельской губ. Начало XX в. (Коллекция РЭМ 4050-243)

